

Коммунистической партии Советского Союза

Мысли вслух

ПРИБЛИЖАЕТСЯ день открытия XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. И все чаще и чаще мы называем этот съезд историческим. Его значение в истории человечества предопределено гигантской созидательно-творческой деятельностью советского народа. Эта деятельность отражена в проекте Программы КПСС. Но Программа не только подводит итоги, она намечает дальнейшие пути. Этот дальнейший путь может быть назван путем к счастью. К счастью человечества, моей страны, моей семьи. Историческое значение проекта Программы партии, мне думается, заключается в том, что в нем воедино слиты судьба человеческая и судьба народная. И, наверное, поэтому каждый человек находит в проекте Программы что-то очень свое, очень личное.

Единство интересов партии коммунистов и людей, стремящихся к счастью, определяет место каждого человека в борьбе за выполнение Программы партии — программы построения коммунистического общества.

ЕСТЬ в проекте и слова, адресованные к нам, людям, работающим в театре. В проекте Программы сказано: «Культура коммунизма, вообразившая в себя и развивающая все лучшее, что было создано мировой культурой, — новая, высшая ступень в культурном развитии человечества. Она воплотит в себе все многообразие и богатство духовной жизни общества, высокую идейность и гуманизм нового мира. Это будет культура бесклассового общества, общенародная, общечеловеческая».

Как благородна и почетна задача быть создателем и пропагандистом культуры, призванной нести гуманизм нового мира! Эта задача общая, она стоит перед всеми нами: писателями, художниками, композиторами, актерами. Но эта задача и частная. Она стоит перед коллективом Театра имени Пушкина, в котором я работаю, она стоит передо мной лично. И если я хочу, чтобы счастье пришло к нам всем и ко мне как можно быстрее, я должен приложить все свои силы, чтобы выполнить эту задачу с честью.

Советское театральное искусство стало подлинным помощником партии в деле коммунистического и эстетического воспитания трудящихся. Сделано многое, но могло быть и должно быть сделано больше. Сегодня я вижу две главные причины, в определенной степени задерживающие рост нашего театрального искусства.

Как видно, начинать надо с основы театра — с драматургии. Как известно, искусство театра, искусство актера вторично. Актер воплощает идеи, заложенные в драматическом произведении писателем. Вне литературы нет театра. Эта истина столь хорошо известна, что можно было бы ее не повторять, но повторять все-таки надо. Наша советская литература дала театру немало прекрасных пьес. Они составили золотой фонд нашего театра. Однако в последнее время, говоря об этих пьесах, мы пользуемся глаголами прошедшего времени. Как бы ни были эти пьесы хороши, они повествуют о прошлом, дорогом нам прошлом, в котором зародилось настоящее и будущее, но все-таки о прошлом. А мы хотим играть пьесы о настоящем. Мы, актеры, хотим играть в таких пьесах потому, что ощущаем это желание в дыхании зрительного зала, видим его в глазах наших современников, приходящих в театр.

Пьес о сегодняшнем дне много. Один завлит рассказывал мне, что их так много, что он с трудом успевает все прочитать. В этих пьесах есть отдельные приметы сегодняшнего дня. В них идет речь о бригадах коммунистического труда, о выращивании кукурузы, об освоении целины и даже о полете в космос. И все-таки эти пьесы не современные, потому что злободневность и современность это далеко не одно и то же.

СОВРЕМЕННОСТЬ — это жизнь в ее поступательном движении вперед. В пьесе о современности должен быть маяк, освещающий будущее. Этот маяк может быть выражен в художественном образе, в ав-

В. ЧЕСТНОКОВ,
народный артист СССР,
делегат XXII съезда КПСС

торской интонации, в отношении драматурга к событиям. Но он обязательно должен присутствовать. Увидеть ростки нового в единичном поступке Валентины Гагановой, увидеть одну из главных особенностей нового морального кодекса советского человека — вот святая обязанность современного драматурга. Н. С. Хрущев сумел увидеть в Гагановой начало движения. Наши драматурги его не увидели. А ведь именно это и называется знанием жизни.

Леонид Зорин написал пьесу «По московскому времени». Мне поручили в ней роль секретаря обкома партии Ларина. Ларин коммунист новой, сегодняшней формации. В его образе отражены лучшие черты наших партийных руководителей. В Ларине драматург сделал попытку выразить дух эпохи, борьбу за восстановление ленинских норм партийной жизни. В этом и есть современность пьесы. Если сегодня таких, как Ларин, тысячи, завтра их будут миллионы.

Я не могу пожаловаться на свою актерскую судьбу. Мне довелось участвовать во многих хороших спектаклях, играть роли, которые пришлось по сердцу. Мне выпало счастье играть на сцене и в кино великого Ленина. Но человек так устроен, что он все время о чем-то мечтает, и я мечтаю о новых ролях. Мне хочется сыграть советского человека, устремленного в будущее, необычайно духовно богатого, борющегося за свое счастье и обретающего это счастье в счастье людей. Словом, мне хочется сыграть нашего современника. Пока это только мечта. Но хочется верить, что где-то за письменным столом она уже принимает конкретные формы. Об этом я думал, читая проект Программы. И мне казалось, что я чувствую рядом локоть своего давнего и верного товарища — драматурга.

ДРАМАТУРГОВ ругать модно. Это самая непреходящая и постоянная мода из всех мне известных. Но разве всегда виноваты только драматурги? Конечно, нет. Очень многое зависит и от нас, режиссеров и актеров.

Современный театр — театр режиссерский. Режиссер — идеолог спектакля. И как бы мы ни спорили на эту тему и как бы ни пытались доказать обратное, факты говорят сами за себя.

Успех «Живого труп» — это успех Симонова, Лебзак и всего коллектива театра, объединенных замыслом и талантом В. П. Кожича. «Оптимистическая трагедия» создана в содружестве Толубеева, Лебзак, Соколова, коллектива театра, художника Босулаева, объединенных режиссером Товстоноговым. «Смерть

коммивояжера» — это Толубеев и коллектив исполнителей, объединенные режиссером Суловым. «Все остается людям» — Черкасов, Крымов, коллектив театра, объединенные режиссерами Вивьеном и Даусоном.

Я специально привожу примеры из практики нашего театра, который издавна считается «актерским». Я не верю, что в современном театре актер может добиться настоящего крупного успеха без режиссера, ибо в современном театре невозможно играть хорошо без партнеров, вне замыслов всего спектакля. А замысел принадлежит режиссеру.

Хороших режиссеров в Ленинграде не так уж много, но и их творческие силы часто используются не по-хозяйски.

У Н. С. Рахеевской большой и плодотворный опыт режиссерской работы. Но, к сожалению, я не помню ни одного спектакля, поставленного ею за последние годы. А время, когда Рахеевская была главным режиссером БДТ имени Горького, было совсем не худшим в его истории. Что уж говорить о смелом выдвижении молодежи!

А ведь и об этом написано в проекте Программы партии.

И ПРО НАС, актеров, в этом историческом документе сказано очень и очень много. В содружестве с режиссурой мы должны более настойчиво искать новые средства актерской выразительности. А мы еще часто не только играем по старинке, но и пишем большие статьи о том, что никаких новых актерских выразительных средств не существует. Вряд ли нам, актерам старшего поколения советского театра, следует так уж отмахиваться от всех тех поисков, которые ведет новое поколение, пришедшее в театр. Может быть, нам, и в первую очередь нам, следует задуматься о том, что новая жизнь, порождающая новую драматургию, требует новых выразительных средств? Реалистическая школа русского актерского мастерства тем и велика, что никогда не стояла на месте, а всегда развивалась, шла вперед. Гениальный Москвин играл иначе, чем гениальная Ермолова, и, наверное, именно поэтому оба они были великими артистами-реалистами.

Поддерживать новое в актерском искусстве, пропагандировать это новое, возникающее на наших глазах, — благородная и почетная задача всех советских артистов. И об этом тоже написано в проекте Программы нашей партии.

Путь к счастью у всех один. Он лежит в борьбе за светлые коммунистические идеалы, в борьбе за новое. Ведь и коммунизм — это новое, еще не виданное в мире общественное устройство.

Вот о чем я думал, читая проект Программы КПСС.